

жими характерами, они обогатили друг друга своим духовным миром, опытом, знаниями. Оба неизменно притягивали к себе окружающих: Александра Николаевна – обаянием, женственностью, мягкими и скромными манерами, Борис Юльевич – энергией, блеском, удивительным сочетанием разных дарований. Это был гармоничный и счастливый союз, счастливая семья, отличавшаяся истинной духовностью, высокой культурой, щедро делившаяся с людьми своим богатством: научным, артистическим и человеческим.

В одном из некрологов, опубликованных после смерти Б.Ю.Прегеля (он скончался в декабре 1976 года), было сказано главное: умер “известный ученый, бывший президент Нью-Йоркской Академии наук, автор многих научных работ, общественный деятель и филантроп. В его лице Зарубежье потеряло не только известного деятеля и ученого, но и человека, горячо преданного русской культуре... С ним ушел от нас один из немногих оставшихся в Зарубежье истинных представителей русской культуры”*. В июне 1977 года во Всемирной Академии наук, где Бор.Юл. ранее занимал пост председателя, был установлен его мраморный бюст, а через год состоялась еще одна торжественная церемония в Нью-Йоркской Академии наук. В память о покойном его друзья и коллеги преподнесли Академии живописный портрет Бориса Юльевича, написанный русским художником-эмигрантом. Александры Николаевны не стало в июне 1984 года. Ее работы находятся в музеях Нью-Йорка, Праги, Иерусалима, во многих частных собраниях. Сохраним же и мы эти имена в нашей благодарной памяти.

* Современник. 1977, N33-34.

Париж. 1942 г.

Великая галерейщица

Валентин Воробьев
(Париж)

Торговля искусством, веками служившая предметом развлечения и наживы сильного пола, обрела новый, ослепительный блеск с появлением Дины Верни, женщины библейской красоты, невиданной храбрости и пронизательного ума.

20 января 1955 года, в чрезвычайно торжественной обстановке, в присутствии президента Франции и “всего Парижа”, состоялся ее триумф, связанный с открытием Музея изобразительных искусств имени Аристиды Майоля, созданию которого посвятила всю свою жизнь парижская галерейщица.

Дина родилась в Одессе в 1917 году в семье музыканта Ефима Эйнбиндера, симпатизировавшего меньшевикам.

Одесса 20-х годов походила на большой вшивый рынок, где вчерашние победители “Антанты” и Белой армии скупали валютные ценности, торговали фальшивыми паспортами и создавали эфемерные тресты типа “Рога и копыта” вперемежку с постоянными облавами, судами, расстрелами и высылкой за границу.

В семейном архиве Дины Верни нет телеграммы, подписанной товарищем Лениным, но красочная легенда об освобождении Ефима Эйнбиндера из тюрьмы, очевидно, возникла на основании Указа СНК от 6 февраля 1922 года с пометкой Первого вождя – “произвести серьезные умягчения”.

Ленинские “умягчения” коснулись и многих одесских социалистов, вместо Сибири высланных за границу. Вождей русского социализма – Юлия Мартова (основателя РСДРП и с Лениным на “ты”), Михаила Скобелева, Ираклия Церетели

Майоль и Дина. 1943 г.

– выпроводили осенью 22-го года.

Семья Эйнбиндеров прошла классический путь политических беженцев того времени – Одесса, Варшава, Берлин, Париж. Париж 30-х годов принимал сотни тысяч эмигрантов всех мастей и оттенков. Молодая и совершенно нищая семья сразу сообразила, что надо вкалывать, учить язык, а не толкаться на сходках Одесского землячества, где точили ножи крестового похода на советскую Россию.

Юная Дина росла в квартале международной богемы, изучала химию, пела цыганские песни и слонялась по букинистам, собирая занятные вещицы, навсегда схватив вирус коллекционирования.

В 1934 году прекрасно сложенную артистку увидел художник Дудел и отвез ее в мастерскую всемирно известного скульптора Аристида Майоля. Старый мастер был поражен красотой натурщицы. Она стала его последним идеалом, вдохновившим его на ряд блестящих ваяний и цикл живописных полотен.

О своей партийной принадлежности Дина Верни предпочитает не вспоминать, но ее крепкая дружба с бунтарями и мятежниками “левого лагеря”, такими, как высланный из России Виктор Серж, организатор IV Интернационала Давид Руссэ, Фред Зеллер, Лев Седов, говорит о близости к позиции Льва Троцкого.

Люди, знающие Дину Верни, отмечают ее бесстрашие и смелость. Близкая связь с Аристидом Майолом, имевшим дачу на испанской границе, в морском поселке Баниульс, позволяла ей переправлять в осажденную фашистами Испанию сотни добровольцев, готовых умереть за республику.

Пожалуй, русский кабац тридцатых годов был единственным перекрестком, где сходились несовместимые пути великих бояр, анархистов и сионистов, художников и проституток. Владелец ресторана на Монпарнасе, питерский эмигрант Лев Адольфович Аронсон (Доминик), не раз рассказывал: Дина пела у него русские песни с такой удалью, что разношерстные посетители кабака стоя аплодировали девчонке с гривой черных, рассыпанных по плечам кудрей.

Мужчины в ее жизни многое значили.

Авантюра с первым мужем русского происхождения быстро кончилась. Муж не вынес бешеного темпа жизни, взятого его супругой. Из “испанской авантюры” 36-39 годов Дина вынесла закаленную в кровавых боях дружбу с людьми, никогда не оставлявшими ее своей поддержкой в трудное время.

Расправа над сторонниками Троцкого была чудовищным, планетарным наступлением владык Кремля. Агенты Москвы убили в Париже Льва Седова, сына Льва Троцкого, а в 40-м от топора наемного убийцы погиб и сам вождь Октябрьской революции в России. Дина уцелела от репрессий.

1 сентября 1939 года началась вторая мировая война. Ефим Эйнбиндер добровольцем ушел на фронт, попал в немецкий плен и не вернулся. Дина оставалась у Аристида Майоля, лепившего с нее лучшее свое произведение под названием “Гармония”. Дружба с великим скульптором и одновременно – подпольная работа в отрядах Сопротивления на юге Франции. Одно дело позировать художнику или с огоньком спеть цыганский романс, другое – под дулом оккупантов переправить в Испанию беженцев; а если при аресте обнаружат фальшивые документы и родство с одесским раввином, то не миновать и расстрела, которого Дина избежала дважды.

В 43-м году она попала в лапы гестапо. Ее засадили в известную тюрьму Френ в одну камеру с Женеьев де Голль,

Дина Верни и Сергей Поляков (с цветком). 1950 г.

сестрой мятежного генерала. И здесь чудо спасло ее от гибели в печах Освенцима – ученик Майоля, известный немецкий скульптор Арно Брекер, лично вмешался в щекотливое дело и вытащил храбрую разведчицу из фашистского застенка.

В 1944 году умирающий Майоль завещал Дине свое творческое наследие. Дина по-своему отметила день освобождения Парижа от немецких оккупантов, положив букет осенних цветов к монументу покойного покровителя, установленному в Тюильри.

Художник Сергей Поляков родился в Москве, но жил в Париже, зарабатывая на жизнь гитарой и пением в русских кабаке. Несомненный дар этого художника-авангардиста заметила проницательная Дина Верни и предложила Полякову первую выставку в своей галерее, открытой в 1946 году в Латинском квартале по улице Жакоб, 36.

Если не считать галереи Пегги Гугенхейм, год или два работавшей в Лондоне, это была первая галерея в Европе, руководимая женщиной; и этой женщине было всего 29 лет!

Сергей Поляков получил премию Кандинского в 1947 году и прекратил играть в кабаках, развернув широкую международную деятельность художника высокого класса.

Культурная политика галереи отличалась ясно выражен-

ным эклектизмом. Дина не выставляла и не продвигала определенную “школу” или “изм”, а работая с разными авторами, собирала одну духовную семью – от наивного примитивизма Вивена до сюрреализма Зигмана, абстрактивизма Полякова и романтизма Шемякина. Финансовый гений Дины Верни обеспечивал достойное существование избранным мастерам.

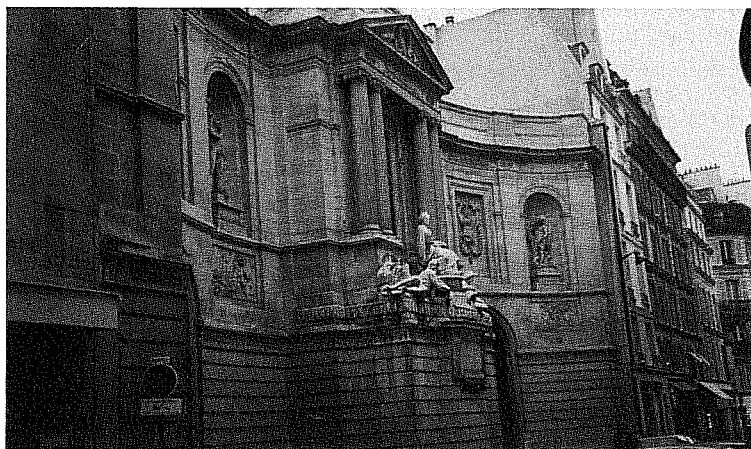
В конце 50-х годов отношения с советской Россией стали улучшаться. Обмен студентами привел к тому, что племянник Дины, славист Саша Звигильский, ныне директор музея И.С.Тургенева в Бужевале, привез из Москвы жену, филолога Тамару Бродскую. В эпоху “холодной войны” было не до России. Теперь парижская галерейщица с возрастающим интересом следила за переменами на незабываемой родине, где она собирала разноцветные стекляшки на одесском пляже и влюбилась в пять лет. Сначала племянник, потом знатоки русской культуры, как Жан-Клод Маркаде, установили нужные контакты с влиятельными людьми России, не забывая спускаться в артистический андеграунд пролетарского государства.

В 1963 году сбылась заветная мечта Дины. Французское правительство, и в первую очередь министр культуры Андре Мальро, приняв драгоценный дар – ряд бронзовых скульптур работы Аристиды Майоля, – установило их на лужайке Луврской площади.

Дорога от натурщицы в преуспевающие бизнесмены не была усеяна розами. Дина дважды выходила замуж и разводилась с большим треском и мучительной дележкой семейного имущества.

Мужчины, традиционно заправлявшие рынком искусства, сочиняли небывлицы о сексуальной жизни прелестной галерейщицы, но постепенно сдавались, уступая место бесстрашной женщине выдающихся способностей. Дина стала постоянным участником знаменитых ярмарок искусства в Европе, Америке, Японии.

Открывая для себя Россию в 69-м году, Дина мгновенно схватила сущность режима. Вожди одевались как все культурные люди Запада. В модных ресторанах танцевали твист. Процветал “черный рынок”. Художники рисовали не только рабочих и колхозников, но и занятые абстрактные каракули. В модных “салонах” на стенах висели картины Малевича, Шагала, Зверева. Деловая и храбрая Дина посетила сотни подвалов и чердаков нелегальных и таинственных творцов, бесплатно работавших на вечность.

Музей Майоля, ул. Гренкель, 59

Вейсберг, Ситников, Краснопевцев, Рабин, Архангельский, Неизвестный, Беллотин, Соостер, Кабаков, Нусберг.

В фрондирующем и глухом Ленинграде, где несомненным вождем подпольного творчества был Евгений Рухин, лепивший по десятку абстракций в день, Дина выбрала одного молодца, Мишу Шемякина, рисовавшего занятные завитушки древнего Петербурга, очень упорного и свободомыслящего художника. Молодому человеку с обликом кабардинского князя самой судьбой было предназначено атаковать спесивый Запад.

После изнурительной торговли с властями, бумажной волюкиты и неотразимых финансовых средств парижанки молодой авангардист 17 октября 1971 года приземлился в Париже.

Исторически "богатый художник" не существует.

Трудно представить богачом безымянного гения средневековья, где бы он ни трудился – в Китае, Греции, Италии, России. Художника приравнивают к трудовым людям особого ремесла.

Союз Дины с гордым питерским авангардистом закончился разрывом. Житель захолустного Питера просил больше и больше. Скромная и сытая жизнь под боком у хозяйки его не устраивала. Михаил Шемякин прочно стоял на ногах. Через год они с боем расстались.

Московские избранники оказались сговорчивей. Они не рвались в Европу и на совесть трудились по домам. В 1973

году галерейщица устроила Архангельскому, Кабакову, Булатову, Янкилевскому, Рабину выставку с ярким каталогом. Благодаря отлично налаженной экономической машине Дины Верни началось триумфальное шествие так называемого "Сретенского кружка".

В самостоятельных затеях эмигрантов, нахлынувших в Париж в семидесятые годы, Дина Верни не принимала участия. Лишь изредка она давала займы одну-две картины из своей коллекции для выставок "нонконформистов". Вся энергия галерейщицы уходила на строительство музея, начатое в 1977 году на старинной улице Гренкель. Постепенно, комната за комнатой, квартира за квартирой, Дина скупала старинное здание монастыря с фонтанами питьевой воды, украшенными в XV веке.

После кончины сына скульптора Майоля коллекция стала еще больше. Сын доверил Дине не только работы отца, но и свои произведения.

В 1978 году скульптор Игорь Шелковский затеял издавать журнал по искусству, пропагандируя новые веяния под названием "советский концептуализм", где основное место занимал "Сретенский кружок". Дина Верни охотно помогла ему деньгами. Вышло всего шесть номеров журнала "А-Я", но он сыграл свою роль в русской культуре.

В 1985 году, словно чувствуя решительные перемены в советской России, Дина Верни организовала первую выставку Илье Кабакову, замечательному художнику-концептуалисту, работавшему с материалом бытового абсурда Москвы. Пожалуй, в первый раз французская, а затем и европейская пресса всерьез обратила внимание на художественные достоинства русского художника, а не на политическое инакомыслие. Через два года, уже с помощью официальных организаций СССР, выставка Кабакова с большим успехом прошла в парижском Доме художника. Главная часть произведений поступила из собрания Дины Верни.

Еще в 60-е годы лондонский галерейщик Эрик Эсторик скупал произведения советского запрещенного искусства. После провальных выставок 64-65 годов картины Оскара Рабина, Дмитрия Плавинского, Эрика Неизвестного гнили у Эсторика в запаснике. Дина Верни их выкупила и перевезла в парижский музей. Составляя персональную выставку в Русском музее Ленинграда, Оскар Рабин, сейчас проживающий в Париже, воспользовался собранием Дины, где были лучшие его вещи 60-х годов.

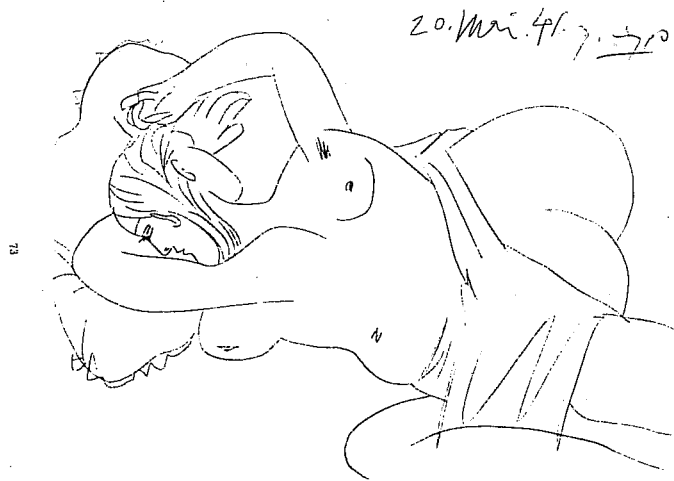

Рис. Пикассо. Натура: Дина Верни. 1941 г.

Концептуальная конструкция Владимира Янкилевского, выставленная сейчас в музее, имеет не менее замечательную историю.

Сын известного французского коммуниста, Поль Торез был одним из первых пропагандистов и покровителей советского "нонконформизма", верным другом творцов подпольного искусства, защитником их интересов в западной прессе. Дина Верни сразу заметила Янкилевского, и в 1978 году, в наемном грузовике, Поль Торез вывез на Запад его огромную инсталляцию, разобрал ее по частям как ненужный хлам. Ленинградская таможня, удивленная странным багажом француза, пропустила его, не взяв ни одного рубля!..

Произведение собрали в Париже. Теперь оно украшает отдельный зал фонда Дины Верни.

Москвич Эрик Булатов – автор сатирических композиций, где реальное изображение пересекается с шрифтовыми лозунгами типа "Опасно", "Входа нет" и т.д. Используя известную картину Эжена Делакруа "Свобода на баррикадах", Эрик Булатов сделал свою смешную и благородную композицию большого размера с русскими буквами, что совершенно меняет смысл картины французского художника.

Собрание работ уроженцев России первой половины XX века – Кандинского, Пуни, Шаршуна, Полякова – следует считать лучшим в Париже. Галерейщица покупала большое количество работ эмигрантов "третьей волны", и, очевидно, на стенах музея появятся новые имена, неизвестные широкой публике.

Двадцать семь залов дворца вмещают не только картины, скульптуры, инсталляции, графику, но и отдел старинных кукол, и каретный сарай, где собраны резные и пестро раскрашенные экипажи домоторной эпохи.

В детстве Дина мечтала стать химиком, потом актрисой кинематографа, но стала первой галерейщицей Парижа, а возможно, и всей послевоенной Европы.

Ее маленькая галерея в Латинском квартале не менялась с 46-го года. В ней по-прежнему сидит постоянный служащий и постоянно проходят выставки.

В свои восемьдесят лет Дина Верни полна энергии и замыслов. Ей помогают взрослые сыновья, Оливье и Бертран, посвятившие жизнь искусству и торговле.

Дочка русских евреев, собиравшая стекляшки в Одессе, стала выдающимся культурным деятелем Франции, организатором и строителем Музея изобразительных искусств в Париже.

Слава Дине Верни!